

Радюшкина Анна Анатольевна

ОСОБЕННОСТИ ЕВАНГЕЛЬСКОГО "ДИАЛОГА" КАК ЖАНРООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ КОРОЛЯ ЯКОВА / KING JAMES VERSION)

Статья посвящена вопросу о жанровой принадлежности текста Евангелия. Автор статьи подходит к рассмотрению проблемы жанра Евангелия с позиций анализа особенностей его диалогической природы. Описывая структурно-содержательные и коммуникативно-прагматические черты диалога в Евангелии (на материале англоязычной версии Короля Якова), автор делает вывод, что они в своей совокупности могут быть отнесены к числу характерных признаков новозаветного евангельского текста, обуславливающих его жанровую самобытность.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-1/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 1. С. 138-143. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.11-112

Статья посвящена вопросу о жанровой принадлежности текста Евангелия. Автор статьи подходит к рассмотрению проблемы жанра Евангелия с позиций анализа особенностей его диалогической природы. Описывая структурно-содержательные и коммуникативно-прагматические черты диалога в Евангелии (на материале англоязычной версии Короля Якова), автор делает вывод, что они в своей совокупности могут быть отнесены к числу характерных признаков новозаветного евангельского текста, обуславливающих его жанровую самобытность.

Ключевые слова и фразы: Евангелие Нового Завета; жанр Евангелия; диалог; диалогичность; категория диалогичности; диалогичность в Евангелии.

Радюшкина Анна Анатольевна, к. филол. н.

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
galeya-2001@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ ЕВАНГЕЛЬСКОГО «ДИАЛОГА» КАК ЖАНРООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ КОРОЛЯ ЯКОВА / KING JAMES VERSION)

Евангелие (греч. *εὐαγγέλιον* – «благая весть» (от *εὖ* – «благо» и *αγγέλιον* – «возвещать, благая, радостная весть»)) – первые четыре книги Нового Завета, в которых рассказывается об Иисусе Христе, Его божественной природе, рождении, жизни, учении, чудесах, смерти, воскресении и вознесении [7], – есть диалог Бога с человеком о Спасении.

Диалог, понимаемый в гуманитарных науках довольно широко, «выражается не столько особыми средствами (специализирующимися в функции диалогизации речи), сколько в своего рода смысловой “двуслойности” (и многослойности) текста» [10, с. 139]. Это имманентное свойство смысловой многослойности, или диалогичность, характеризует как речь рождающуюся, так и речь зафиксированную, т.е. продукт речемыслительной деятельности, или тексты, «эксплицирующие различные смысловые позиции (диалог двух или более точек зрения)» [Там же].

Понимание смысла текста является авторской проекцией, лишь одной из множества возможных интерпретаций [9, с. 272, 389] и зависит от множества параметров, характеризующих, с одной стороны, реципиента, с другой стороны, воспринимаемый текст. К первой группе факторов можно отнести историческую, культурно-этническую и социальную принадлежность реципиента, его возраст, пол, образование и обусловленные данными параметрами фоновые знания о мире и собственно о предмете восприятия. Во вторую группу факторов входят такие характеристики текста как время и условия его создания, цель автора и его представления об адресате текста, жанровая принадлежность текста и др.

Жанр текста играет чрезвычайно важную роль, т.к., представляя собой «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказывания» [2, с. 241-242], жанровые формы во многом определяют характер мышления и дискурсивного поведения языковой личности, поскольку «представления о жанровой принадлежности текста облегчают процессы формирования и формулирования мысли, а также восприятия чужого высказывания» [13, с. 354]. Другими словами, жанр является носителем сведений о тексте для потенциального реципиента еще до «погружения» последнего в коммуникативную ситуацию, обусловленную текстом, т.к. знание жанра речевого произведения позволяет реципиенту дедуктивно спрогнозировать представления о цели, структуре, содержании и языковой форме конкретного текста.

Согласно выражению, ставшему аксиомой в жанроведении, «научиться говорить значит уметь создавать жанрово оформленные высказывания» [2, с. 259]. Иначе говоря, человек осуществляет свою речь при помощи и в форме определенных жанров (ср. «не существует вне-жанровых высказываний» [4, с. 105]). Рассуждая о жанрах речи, М. М. Бахтин также подчеркивал мысль о том, что высказывание строится с учетом ответных реплик, ему свойственны обращенность к кому-либо и адресованность [2, с. 275]. Таким образом, любое слово обращено, адресовано, диалогично и облечено в ту или иную жанровую форму. Понимание жанра как «культурно и исторически оформленного, общественно конвенционализированного способа языковой коммуникации» [4, с. 104], как «взаимодействия смысловых позиций адресанта и адресата, осуществляемого в целях постижения авторского замысла» [6, с. 19], прямо указывает на представления о *жанре* в современной лингвистике как о *диалогической сущности*.

Анализ библейских жанров традиционно строится на основе изучения жанров, известных культурам Древнего Востока и античности, и тех, которые были выработаны в процессе создания самой священной письменности [11, с. 301], то есть небиблейских и библейских. Жанровое воплощение текста обусловлено коммуникативным намерением его автора, т.к. любая форма коррелирует со своим содержанием, назначением, поэтому особенности реализации диалога посредством текста между автором-адресантом и читателем-адресатом находятся в тесной связи с его жанровой отнесенностью. Целью настоящей статьи является рассмотреть вопрос о жанровой принадлежности текста Евангелия с учетом существующих взглядов и с опорой на анализ структурно-содержательных и коммуникативно-прагматических особенностей его диалогической природы.

Проблема жанра евангельского текста отличается как большой важностью, так и большой сложностью. Отмечается, что по своему жанровому составу Евангелия неоднородны, они представлены сочетанием элементов множества других жанров [11; 14, с. 129]. А. Мень считает, что в Евангелии представлено более десяти (библейских и небиблейских) жанров: агада, апокалиптический жанр, аретологии, биографии, благословения и проклятия, генеалогия, деяния, доксологии, логики, послания, пословицы, притчи, пророческие речения и др. [11, с. 142, 404, 442, 468]. Преобладающим типом материала являются поучающие речи Спасителя (логики) и историческое повествование [1, с. 37], или, «дела» и «слова» Иисуса Христа [8, с. 119]. Жанром, сочетающим жизнеописание и высказывания субъекта, является биография, поэтому многие исследователи искали сходство Евангелий именно с жанром биографии.

Так, К. Бальтцер предлагает искать истоки Евангельского жанра в формах Ветхого Завета, одну из которых он определил как «идеальную биографию». Для этой формы на первом месте стоит «должность» и действия субъекта, сама же личность вызывает очень мало интереса или вовсе никакого [1, с. 36].

К. У. Вотау, опираясь на анализ многочисленных греко-римских произведений, разделил биографии античного мира на «популярные» / «народные» (описывающие памятные дела, совершенные человеком, отдельные события его жизни и его изречения без строгой хронологической схемы повествования) и «исторические» (описывающие жизнь человека максимально полно и последовательно) и отнес Евангелия к подтипу «популярных» биографий [23].

По мнению Д. Е. Ауни, греко-римская биография была сложным, постоянно развивающимся жанром с меняющимися характеристиками. Этот факт, а также проведенный им анализ литературных особенностей Евангелий позволили Д. Е. Ауни поместить их в рамки древних биографий и также определить жанр Евангелия как подтип греко-римской биографии [1, с. 44].

С. Уолтон вслед за Р. Барриджем [19] относит Евангелие к жанру греко-римской биографии, полагая, что евангелисты пользовались знакомыми им литературными формами, и аргументирует это тем, что использование совершенно новой формы – нового жанра – для представления абсолютно новой системы мировоззрения чрезмерно усложнило бы задачу восприятия Благой Вести ее адресатом [24, р. 86].

Признавая, что едва ли можно утверждать, что не существовало такой литературной аналогии, сравнение которой с евангельским повествованием об Иисусе было бы совершенно необоснованным, Д. Гатри предостерегающе замечает, что сравнение с литературной точкой зрения разных текстов, не имеющих *общей цели написания*, может привести к их неправильному пониманию [5]. Если назначением любой биографии является описание жизни человека, то основная цель евангельских текстов есть описание смерти Христа и Его Воскресения, поэтому описание благих дел, чудес (знамений) и учения Христа, освещающих разные аспекты жизни и характера Христа, необходимо рассматривать в перспективе, стремящейся к смерти и Воскресению Иисуса [Там же]. Это составляет основное отличие Евангелий от сугубо биографических произведений [Там же].

С. А. Жебелев оспаривает точку зрения на Евангелия как на тип биографий. С одной стороны, биография, как таковая, обычно предполагает изложение всей или, по крайней мере, значительной части жизни своего героя; Евангелия же содержат описание лишь краткой части земной жизни Христа. С другой стороны, в евангельских повествованиях представлены элементы, выходящие за рамки биографии обычного типа, не свойственные ей, такие как, например, подробность изложения учения Христа. Признавая исторический характер евангельских текстов, С. А. Жебелев критикует отождествление Евангелий с историей, так как евангельское повествование сосредоточено на личности одного Христа, который заслоняет всех остальных действующих лиц, описанных в Евангелии. Также исследователь отвергает сходство Евангелий с мемуарами, поскольку последние подразумевают воспоминания любого рода, безотносительно к степени их важности [8, с. 121-123]. С. А. Жебелев признает воздействие эллинистической и иудейской литератур на фабульную сторону Евангелий и отмечает сходство «словесной» стороны Евангелий с небиблейским жанром «меморабилей» (лат. *Memorabilia*), ориентированным на воспоминания о *высказываниях* какого-либо лица (но не всех, а заслуживающих внимания с точки зрения автора) [Там же, с. 121], но при этом не ставит знак равенства между этим жанром и жанром Евангелия.

Об особом статусе евангельского текста также говорит прот. Александр Сорокин, аргументом которого против отождествления Евангелий с жанрами биографии и жития является крайне незначительное количество в Евангелиях оценочных эпитетов, чрезвычайно характерных для религиозно-назидательной литературы, направляющих восприятие читателя, чтобы он мог сделать правильный нравственный выбор [14, с. 130].

В поддержку точки зрения на Евангелия как на совершенно особое явление приведем ряд высказываний зарубежных исследователей новозаветных текстов, т.к., в связи с длительным периодом существования советской идеологии и накладываемыми ею ограничениями, значительный вклад в разработку вопроса о жанре Евангелия, сделанный в XX-XXI вв., оказался возможным в основном благодаря западной науке.

Р. Бультман называет Евангелие от Марка «уникальным произведением Христианства» («an original creation of Christianity») [18, р. 74], что в равной степени применимо ко всем четырем каноническим Евангелиям [Ibidem, р. 341-348]. Эту же точку зрения разделяют Г. Концельман и А. Линдемман, утверждая, что «параллелей новозаветным Евангелиям нет, что подтверждается их сравнением с такими жанрами античности как биография и историческая монография» («There are no parallels to the NT literary type “Gospel”. A comparison with certain literary types of antiquity, such as the biography and the historical monograph, demonstrates this») [20, р. 26]. В качестве аргументов они указывают на то, что Евангелие не есть пространное описание жизни Иисуса Христа или Его характера, напротив, «главным фокусом евангельского повествования являются дела Христа как посланника Бога, что отражено в Его поступках, учении, страстях» [Ibidem, р. 27].

К. Снодграс различает Евангелие Христа (Его учение и служение) и Евангелие о Христе (слово ранне-христианской церкви об учении и служении Христа) и считает назначение евангельского текста, выраженное посредством описания жизни, смерти и воскресения Иисуса Христа, уникальным («this message [of the New Testament Gospels] is uniquely expressed in and through the life, death and resurrection of Jesus») [22, p. 31].

Г. Стантон отмечает не столько литературный (биографический), сколько керигматический (от греч. *κήρυξις* — проповедь) характер новозаветных Евангелий. Подчеркивая, что евангелисты стремились раскрыть «роль Иисуса в планах Бога», а не обрисовать Его достоинства и добродетели, что характерно для жанра биографии, Г. Стантон утверждает, что «с точки зрения главной темы и цели Евангелия образуют совершенно отдельную группу внутри обширного корпуса древней литературы» [15].

В своих рассуждениях о жанре Евангелия современный исследователь Дж. А. Дил признает некоторое сходство Евангелий с другими литературными формами, но утверждает, что они есть «тем не менее совершенно особое явление в силу своего содержания, формы, теологии и цели» («...NT Gospels appear to be similar to other ancient literature in some ways, yet they are distinctive enough in content, form, theology and purpose to set them apart from other literature» [21, p. 195-196]).

Таким образом, представленный краткий обзор работ отечественных и зарубежных исследователей новозаветных текстов обнаруживает существование двух точек зрения на жанр Евангелия: 1) как на жанр, развившийся на основе других жанров – как библейских, так и небиблейских – и являющийся их продолжением или подвидом; 2) как на уникальный жанр (*sui generis*), не имеющий прямых аналогов в известных на момент создания Евангелий литературных и нелитературных параллелей.

Как видно, в жанровом отношении Евангелия являются гетерогенными образованиями, сочетающими в себе отдельные черты различных жанров античного периода. Однако, принимая во внимание литературные параллели Евангелия, необходимо учитывать особый характер, уникальное назначение, прагматику этого текста.

Назначение текста, наряду с его содержанием и формой, принадлежит к числу типологических особенностей, повторяющееся сочетание которых в различных текстах позволяет отнести последние к одному жанру [1, с. 9]. Назначение текста определяется прагматическим намерением, интенцией его автора-адресанта, воплотившего свой замысел в «диалоге» с читателем-адресатом, обусловленном определенным жанровой формой и представлениями адресанта об адресате, которому этот текст предназначен. Другими словами, представление о закономерностях реализации текстового диалога в широком смысле может способствовать как пониманию назначения текста, так и определению его жанра, поэтому рассмотрим особенности евангельского «диалога» на материале англоязычной версии Короля Якова.

Структурно евангельский диалог реализуется на различных уровнях – внутритекстовом, внешнетекстовом и межтекстовом, – отличающихся взаимообусловленностью и своими особенностями соотношения смысловых позиций речевых субъектов этих уровней. Диалогичность внутритекстового уровня выражается в соотношении смысловых позиций Христа (Истины) и смысловых позиций внутритекстовых субъектов. Диалогичность внешнетекстового уровня, выраженная средствами адресации, реализуется в двух направлениях: 1. Евангелист → адресат Евангелия; 2. Иисус Христос → адресат Евангелия. Особенностью коммуникативной составляющей евангельского диалога является то, что Иисус Христос одновременно реализует функцию адресанта внешнетекстового и внутритекстового уровней, что обуславливает Его статус Наадресанта Благой Вести. Диалогичность межтекстового уровня проявляется в двух аспектах: 1) в связях Евангелия (новозаветного текста) и текстов Ветхого Завета; 2) в связях четырех Евангелий, содержащих «параллельные фрагменты» [12, с. 5].

Хотя каждый текст обращен, адресован, диалогичен, не всякий текст вызывает отклик, диалог в сознании адресата. Живая реакция в значительной степени обусловлена тем, *кто* говорит, *что* говорит и *как* говорит.

Евангельский диалог Бога с человеком, характеризуясь теоцентричностью и антропоцентричностью [Там же, с. 8], в содержательном отношении отличается многоплановостью и раскрывает перед адресатом множество тем, рассказывая о Царствии Небесном, о Боге, Его любви к каждому человеку, о самом человеке. Последняя тема является, на наш взгляд, ключом ко всем остальным, будучи наиболее понятной и доступной, т.к., с одной стороны, человек ориентирован (в известной степени – эгоистически) на себя, с другой стороны, она объективно более знакома.

Через описание человека как многомерной сущности одной из важнейших задач Евангелия является обозначение состояния человеческой души. Независимо от уровня прогресса, финансового благополучия, образования и пр., человек одинаково подвержен одним и тем же слабостям, или греховным страстям, к которым относят гордыню (напр., Lk 18: 10-14;), тщеславие (напр., Mth 23: 5, 23-26; Jn 12: 43), уныние (напр., Mth 27: 3-5), печаль (напр., Jn 16: 20-22, Lk 22: 62), гнев (напр., Jn 9: 34), сребролюбие (напр., Jn 12: 6), любодеяние (прелюбодеяние и блуд) (напр., Mth 19: 9; Ин 8:3-11) и чревоугодие (напр., Mth 24: 49). Знание человеческой природы позволяет адресату узнать себя в персонажах притч, в собеседниках Христа и – при определенной доле честности – признать в себе действие этих разрушительных страстей.

Помимо задачи рассказать о Спасении человечества через искупительную жертву Иисуса Христа, у Евангелия есть сверхзадача (назначение), обусловленная прагматической интенцией ее Наадресанта, – спасение человека, освобождение его от рабства греха («Jesus answered them, Verily, verily, I say unto you, Whosoever committeth sin is the servant of sin» (Jn 8: 34) – «Иисус отвечал им: истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха» (Ин 8: 34); «To give knowledge of salvation unto his people by the remission of their sins» (Lk 1: 77) – «...дать уразуметь народу Его спасение в прощении грехов их» (Лк 1: 77)) через реализацию его божественного дара – свободы выбора, добровольного выбора между добром и злом, в конечном итоге – между духовной жизнью и смертью.

Благая Весть дана человеку ради указания спасительного пути – покаяния, желания изменить свою жизнь, борьбы с проявлениями греховной природы человека путем взращивания в себе противоположных греховным страстям добродетелей: любви (напр., Mth 5: 43-48; Jn 13: 34-35), смирения (напр., Mth 5: 39; Lk 14: 7-11; Jn 13: 4-17), трудолюбия, в т.ч. духовного (напр., Mth 11: 28; Lk 19: 11-28), трезвения (напр., Mth 16: 5-12; 24: 3-8; Mk 13: 3-37; Lk 20: 45-47: 21: 7-11), кротости (напр., Mth 5: 39; 11: 29-30), нестяжательности (напр., Mth 6: 19-21; 10: 9-10; 19: 21; Mth 21:1-4), целомудрия (напр., Mth 5: 27-30), воздержания (напр., Mth 9: 14-15; 17: 21; 19: 10-12). Евангелие показывает, что воплощением всех этих добродетелей является Сам Иисус Христос, который, с одной стороны, есть Бог-Сын, единосущный совершенному Богу-Отцу, а с другой, – Человек, испытавший борьбу с искушениями, страдания и боль человека. Таким образом, в рамках системы координат «роль» (свой-чужой) / «статус» (вышестоящий-равный-нижестоящий) [16, с. 57] в ролевом отношении для адресной аудитории Христос является «своим» для стремящихся к духовному исправлению и «чужим» для «щепляющихся» за привычное греховное, оправдываемое косное состояние души. В аспекте статуса как образец святости Иисус является «вышестоящим» по отношению ко всем людям, но благодаря Его простому происхождению, земным страданиям каждый может видеть в Нем «равного». Тема человека, непрестанно вызывающая интерес у представителей различных наук, культур и эпох, получившая в Евангелии преломление в аспекте греха и борьбы с ним, составляет одну из особенностей его смысловой структуры. Рассмотрим на некоторых примерах, как данная тема отражена в содержательной составляющей евангельского диалога.

Внутритекстовый диалог Христа с различными собеседниками (непосредственными слушателями Его логий, обычными людьми, которых авторы Евангелий изобразили в евангельском повествовании), реализуемый в формате «вопрос-ответ», актуализирует роли Учителя и ученика, чья смысловая позиция, проявляющаяся в самомнении, жадности, трусости, страхе, сомнении и пр., потенциально коррелирует с аналогичными переживаниями современного адресата-читателя. Примером оппозиции, например, «гордыня – смирение» является широко известная евангельская притча о мытаре и фарисее (Лк 18: 9-14). Фарисей, горделиво превозносясь, противопоставляет себя *другим людям* – «*грабителям, обидчикам, прелюбодеям*» (*extortioners, unjust, adulterers*). Слова «*or even as this publican*» (Лк 18: 11), завершающие перечисление, преобразуют перечень грешников в градуированный, низшим из которых оказывается мытарь – сборщик податей, находящийся на службе у римлян-завоевателей. Смысловая позиция мытаря выражается в его осознании своих грехов («*God be merciful to me a sinner*») (Лк 18: 13)), сопровождающемся смиренным раскаянием, а покаяние – это уже начало борьбы с грехом. Мораль притчи, выраженная в словах Христа, – «*I tell you, this man [publican] went down to his house justified rather than the other [Pharisee]: for every one that exalteth himself shall be abased; and he that humbleth himself shall be exalted*» (Лк 18: 14) – «*Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится*» (Лк 18: 14) – оказывается неожиданной для внутритекстового адресата и адресата-современника Христа: примером добродетели становится отвергаемый иудейским обществом человек. Такая оценка, вероятно, могла вызывать острую реакцию со стороны иудейского общества, чьи когнитивно-обусловленные ожидания оказывались обманутыми. Обличительная проповедь Иисуса направлена не против грехов человека вообще (много ранее они были обличены в Ветхом Завете), а прежде всего против ложного понимания пути спасения, против ложно-удобной для человека религиозности (и во времена Христа, и в любое другое время) [14, с. 48].

Во внешнетекстовом диалоге Слово Христа, опосредованное двумя формами внутритекстовой коммуникации — прямой (диалог с внутритекстовыми речевыми субъектами) и непрямой (посредством притч, часто имеющих форму «диалога-в-диалоге»), – обращено ко всему человечеству – к человеку любого пола, возраста, образования, достатка, социального класса, национальности, и – шире – культуры и эпохи. Внешнетекстовый «диалог» евангелиста и адресата-читателя в целом в Четвероевангелии (в меньшей степени в Евангелии от Иоанна) характеризуется «безличным» повествованием: «авторы Евангелий не выносят ни похвальных, ни критикующих суждений ни в адрес Иисуса, ни кого другого, оставляя право выносить приговор Богу» [Там же, с. 130-131]. Таким образом, неявно, имплицитно смысловая позиция евангелистов, выражаемая в их самоумалении, отражает идею смирения – оплота всех других добродетелей.

На уровне межтекстового диалога Иисус Христос и внутритекстовые субъекты для объяснения своей смысловой позиции или для воздействия на смысловую позицию адресата апеллируют к авторитету Писания и пророков. Указание Христа, к чему должен стремиться в своей жизни человек, – «*Be ye therefore perfect, even as your Father which is in heaven is perfect*» (Mth 5: 48) – «*будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный*» (Мф 5: 48) – повторяет призыв к отказу от греха, призыв к совершенству, уже звучавший в Ветхом Завете: «*Thou shalt be perfect with the LORD thy God*» (Deut 18: 13) – «*Будь непорочен пред Господом, Богом твоим*» (Втор 18: 13). Этим Христос демонстрирует единство своей воли и воли Бога-Отца, т.е. Его смысловая позиция состоит в послушании Богу-Отцу, к чему имплицитно призывается и внешнетекстовый/внутритекстовый адресат Благой Вести.

Поскольку речь Христа, притча, интертекстуальное включение представляют собой «текст в тексте», реализуется диалогическая схема, в которой диалоги одного уровня являются одновременно средством диалога другого уровня [12, с. 20]. Ярким примером связи диалогов всех трех уровней является Нагорная Проповедь Христа, в которой, обращаясь к «множеству народа из Галилеи и Десятиградия, и Иерусалима, и Иудеи, и из-за Иордана» (в которых угадывается все человечество), Он говорит, что «пришел не нарушить закон или пророков, но исполнить» (Мф 5: 17), поясняя как ветхозаветный закон преломляется в новозаветном. В Новом Завете грехом является не только греховное действие, но и внутреннее состояние, которое может стать предверием греха-действия. Так, грехом признается не только убийство, но и гнев (который может привести

к убийству): «*Ye have heard that it was said of them of old time, Thou shalt not kill; and whosoever shall kill shall be in danger of the judgment: But I say unto you, That whosoever is angry with his brother without a cause shall be in danger of the judgment*» (Mth 5: 21-22) – «*Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду*» (Мф 5: 21-22). Грех прелюбодеяния также понимается шире – не только как акт измены супругу, но как сама непристойная мысль: «*Ye have heard that it was said by them of old time, Thou shalt not commit adultery: But I say unto you, That whosoever looketh on a woman to lust after her hath committed adultery with her already in his heart*» (Mth 5: 27-28) – «*Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем*» (Мф 5: 27-28). И главное, что отличает Ветхий Завет от Нового Завета и, соответственно, завет отношения человека к другому человеку, – заповедь любви: «*Ye have heard that it hath been said, Thou shalt love thy neighbour, and hate thine enemy. But I say unto you, Love your enemies, bless them that curse you, do good to them that hate you, and pray for them which despitefully use you, and persecute you*» (Mth 5: 43-44) – «*Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас*» (Мф 5: 43-44). В целом, Ветхий Завет предписывал человеку, как должно *поступать*, что *делать*, тогда как Новый Завет, обещая спасение и открывая человеку то, какой он есть, возвещает о том, каким ему нужно *быть*.

Как видно, Евангелие в аспекте реализации коммуникативно-прагматической задачи занимает особую позицию. Благая Весть адресована не отдельным историческим лицам или группам лиц по частному, утратившему со временем значимость поводу, но сквозь века – всем и каждому на все случаи жизни. Именно неизменность духовной сути человека, его склонность к греху («*If we say that we have no sin, we deceive ourselves, and the truth is not in us*») (1 Jn 1:8) – «*Если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя, и истины нет в нас*» (1 Ин. 1: 8)), обуславливает особый, глубоко личный отклик у современного адресата, основанный на узнавании себя, и определяет актуальность Евангелия безотносительно к историческому времени.

Итак, говоря о новом – о Спасении человечества через искупительную жертву Иисуса Христа, – евангелисты пользовались элементами известных им форм (жанров), но это новое наполнение, обусловленное уникальной целью создания и содержанием евангельского текста, особенностями реализации многопланового диалога разных уровней, а также беспрецедентное по масштабу влияние Благой Вести на историю человечества, породило новое, уникальное, не имеющее аналогов явление – Евангелие Нового Завета.

Таким образом, Евангелия Нового Завета являются гетерогенными образованиями, которые, отличаясь непреходящей духовной, культурной, исторической значимостью, заслуживают признания как особого типа текста с характерными структурно-содержательными и коммуникативно-прагматическими чертами. К первым относится многоуровневая модель коммуникации – сложный по своей структуре диалог, основанный на модели «текст в тексте», «диалог в диалоге», на содержательном уровне представленный различными темами, базовой из которых и предвещающей остальные является тема человека. К коммуникативно-прагматическим особенностям евангельского диалога относятся следующие: уникальная цель/назначение Евангелия (спасение человека); статус и особенности коммуникативного взаимодействия адресанта и адресата Благой Вести (уникальный статус Нададресанта Иисуса Христа, являющегося априори «вышестоящим» и «равным» для любого адресата, с одной стороны, и «своим» или «чужим» для каждого конкретного адресата в зависимости от его смысловой позиции, с другой стороны); обобщенно-дискретный образ адресата (в лице конкретного внутритекстового адресата потенциально воплощен образ любого внешнетекстового адресата).

Учитывая особенности коммуникативной ситуации, обуславливающие своеобразие евангельского диалога в структурно-содержательном и коммуникативно-прагматическом аспектах, можно говорить о том, что эти черты определяют и жанровую специфику рассматриваемого текста. Другими словами, Евангелие Нового Завета осознается как самобытный текст и может быть отнесено к одноименному жанру, представленному текстами Четвероевангелия.

Список литературы

1. Ауди Д. Е. Новый Завет и его литературное окружение / пер. с англ. В. В. Полосина; под ред. А. Л. Хосроева. СПб.: Российское библейское общество, 2000. 271 с.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237-280.
3. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, канонические (В русском переводе с параллельными местами и приложениями). М.: Российское Библейское Общество, 1994. 1340 с.
4. Гайда С. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи: сб. науч. ст. / под ред. В. Е. Гольдина. Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2. С. 103-111.
5. Гатри Д. Введение в Новый Завет [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/libr_min/04_g/at/ri_02.htm (дата обращения: 20.05.2016).
6. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2004. 359 с.
7. Евангелие [Электронный ресурс] // Библейская Энциклопедия архим. Никифора (Бажанова). URL: <http://azbyka.ru/otechnik/Nikifor/biblejskaja-entsiklopedija/1314> (дата обращения: 30.09.2016).
8. Жебелев С. А. Евангелия канонические и апокрифические. Петроград: Огни, 1919. 123 с.
9. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

10. **Кожина М. Н.** Диалогичность как категориальный признак письменного научного текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка / под ред. М. Н. Кожинной: в 3-х т. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1998. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. С. 124-166.
11. **Мень А. В.** Библиологический словарь: в 3-х т. М.: Фонд им. Александра Меня, 2002. 1696 с.
12. **Радюшкина А. А.** Диалогичность текста Евангелия: когнитивный и лингвопрагматический аспекты: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2009. 23 с.
13. **Салимовский В. А.** Речевой жанр // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной; члены редколлегии: Е. А. Баженова, М. П. Котурова, А. П. Сковородников. 2-е изд-е, испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 352-354.
14. **Сорокин А., прот.** Христос и Церковь в Новом Завете: Введение в Священное Писание Нового Завета: курс лекций. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2006. 646 с.
15. **Стантон Г.** Иисус и Евангелие [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/spravki/4_faith_bible/varia/evang_zhanr.htm (дата обращения: 30.09.2016).
16. **Формановская Н. И.** Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: Икар, 2007. 480 с.
17. **Biblia. N. T.** The New Testament: King James version. Nashville: Holman Bible, cop., 1988. 294 p.
18. **Bultman R.** The History of the Synoptic Tradition. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 1968. 462 p.
19. **Burridge R. A.** What are the Gospels? Comparison with Graeco-Roman Biography. 2nd ed. Grand Rapids: Erdmans, 2004. 366 p.
20. **Conzelmann H., Lindemann A.** Interpreting the New Testament: An Introduction to the Principles and Methods of NT Exegesis. Peabody, MA: Hendrickson, 1988. 389 p.
21. **Diel J. A.** What is a 'Gospel'? Recent Studies in the Gospel Genre // Currents in Biblical Research. 2011. Vol. 9 (2). P. 171-199.
22. **Snodgrass K.** 'The Gospel of Jesus' // The Written Gospel. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 31-44.
23. **Votaw C. W.** The Gospels and Contemporary Biographies in the Greco-Roman World. Philadelphia: Fortress; Facet Books, 1970. 64 p.
24. **Walton S.** What Are Gospels? Richard Burridge's Impact on Scholarly Understanding of the Genre of the Gospels // Currents in Biblical Research. 2015. Vol. 14 (1). P. 81-93.

**THE PECULIARITIES OF THE EVANGELICAL "DIALOGUE" AS A GENRE-FORMING FACTOR
(BY THE MATERIAL OF KING JAMES VERSION)**

Radyushkina Anna Anatol'evna, Ph. D. in Philology
Herzen State Pedagogical University of Russia
galeya-2001@yandex.ru

The article is devoted to the issue of the genre affiliation of the Gospel text. The author views the problem of the Gospel genre from a perspective of the analysis of the features of its dialogic nature. Describing structural-informative and communicative-pragmatic features of the dialogue in the Gospel (by the material of King James Version), the author concludes that they, in their combination, can be attributed to the number of the characteristic features of the New Testament Gospel text that determine its genre singularity.

Key words and phrases: New Testament Gospel; Gospel genre; dialogue; dialogic nature; dialogic nature category; dialogic nature of Gospel.

УДК 81

В статье рассматривается вопрос лексических стилеобразующих средств житийного жанра на примере конфессиональной лексики, представленной в житии Ксении Петербургской. Автор анализирует тематические группы и подгруппы данного лексического пласта в сравнении с подобной лексикой церковно-религиозной проповеди и обосновывает посредством приведенных примеров положение о том, что оба жанра могут быть отнесены к религиозно-проповедническому стилю.

Ключевые слова и фразы: конфессиональная лексика; житие; проповедь; церковно-проповеднический стиль; тематические группы и подгруппы.

Расторгуева Марина Борисовна, к. филол. н., доцент
Воронежский государственный технический университет
rast.mari@mail.ru

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ СТИЛЕОБРАЗУЮЩИЕ СРЕДСТВА ЖИТИЙНОГО ЖАНРА
(НА ПРИМЕРЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ЖИТИЯ КСЕНИИ ПЕТЕРБУРЖСКОЙ)**

Житие, согласно толковому словарю под редакцией С. И. Ожегова, – повествовательный жанр описания жизни лиц, канонизированных церковью [11, с. 79]. Это жанр церковной литературы, связанный с жизнеописанием святых. Жития создавались после смерти святого, и не всегда этот процесс был связан с формальной канонизацией. Чаще всего предпосылкой служили различные «чудеса», отношение к которым, по мнению верующих, имели святые. Для житий характерны довольно строгие содержательные и структурные ограничения,